

Александр Михайлович Казбеги

Отцеубийца

Александр Казбеги

Отцеубийца

«Public Domain»

Казбеги А. М.

Отцеубийца / А. М. Казбеги — «Public Domain»,

Писательское дарование и гражданская мужество Александра Казбеги особенно ярко проявились в его творческой деятельности 80-х годов XIX века. В его романах и рассказах с большой художественной силой передан внутренний мир героев, их чувства и переживания. Роман «Отцеубийца» был любимой книгой Иосифа Джугашвили, который взял себе партийный псевдоним Коба по имени главного героя – разбойника, любителя жестокости и мести. Электронная версия произведения публикуется по изданию 1955 года.

© Казбеги А. М.

© Public Domain

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Казбеги

Отцеубийца

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В доме одного из хевских сел, утром, часов в одиннадцать, сидели у очага трое: женщина и двое мужчин. Онисе Гелашвили, человек с резко очерченным суровым лицом, старательно затягивал оборы на своих чустах.

Жена его, Махия, пристроившись рядышком с ним, пряла шерсть для чохи и изредка посматривала на кипящий над огнем котел.

Старший брат Онисе, – «Нищий Глаха», как прозвали его на селе, – тихонько перебирал струны пандури, печально напевая одну из тех песен, которые вняты каждому сердцу в горах.

И в голосе, и в лице Нищего Глахи была отпечатлена вся горечь пережитого. Лицо это, видимо когда-то красивое, теперь было страдальчески искажено, – треволения жизни наложили на него свою безжалостную печать.

Одет он был в изодранную, испещренную разноцветными латками шинель, и вероятно только она одна и прикрывала от стужи его изможденное тело и одряхлевшее сердце.

Глаха ударил по струнам пандури и запел:

«Говорил Ростом: – Пусть слово
Будет мягким, как земля!
Храбрых радует опасность,
Честь победы им суля!..
Говорил Ростом: – Что лучше, —
Рассуди-ка, человек, —
Лучше ль умереть однажды
Иль терзаться целый век?...»

– Что ты, право, все бренчишь да бренчишь?! – с досадой прервал его Онисе.

Нищий Глаха тяжело вздохнул, ОТЛОЖИЛ В сторону пандури.

– Опять теперь уйдешь, – продолжал Онисе, – и одному богу известно, увидимся ли снова! Где опять будешь мыкаться, и как узнаем, сыт ты или голоден?

– Эх-хе-хе, брат мой дорогой! – с горечью воскликнул Нищий Глаха, – разве вам убыток от того, что я всю жизнь слоняюсь по чужим порогам?... Ничего не уношу из дома, не проедаю, не продаю, всю свою долю, все богатство вам отказал, чего же еще надо?... Хожу по миру, собираюсь, кусок хлеба ем по милости добрых людей... А вы все еще недовольны мною?... Если остаются у меня два-три гроша, так и те отсылаю вам...

– Лучше бы сам жил в доме, был бы за старшего! – прервал его Онисе.

– Эх-хе-хе! – снова вздохнул Глаха. – Нет, брат, нет... Ты ведь знаешь, если человек отбилсЯ от двора, его ничем не удержишь... Да и к чему удерживать меня? Поседел и одряхлел я, обессилел я вконец; я и в доме не работник и под небом не жилец!.. – и Глаха низко опустил голову.

– Ну, зачем ты так говоришь, зачем? Оставайся о нами, за старшего будешь, порядки наведешь! – обиженно сказала Махия.

– Будет тебе, Махия, разве может наводить порядки такой непутевый человек, как я!

– Что ты, да почему же так?

– А потому что... – Глаха вдруг замолчал.

– Оставайся, оставайся, клянусь богом, ребята мои будут ухаживать за тобой, как за своим господином, – снова принялся упрашивать младший брат.

– Ты же знаешь, Онисе, что нельзя мне остаться, если бы я даже и захотел... Я пришел тайком взглянуть на дочь, не вытерпело сердце долгой разлуки, тайком... и уйду... Самому мне ничего не надо, дай вам бог побольше прибытку от моей доли; прошу вас только об одном: присмотрите вы за моей дочерью, не оставляйте ее без вашей заботы и замуж ее выдайте.

– Говорю тебе, как перед ботом, дочь твою люблю больше своих детей, – сказала Махия.

– Только отдайте ее за такого человека, который не станет попрекать ее куском хлеба... Не надо гнаться за родом или за богатством... Лишь бы любили друг друга, остальное неважно... Женщине легко живется, если в семье мир.

– Бог свидетель!.. – воскликнул Онисе, и слезы навернулись на глаза.

– Ты сам не выбрал ли кого в зятя? – спросила Махия.

– Да я и облачков здешних сколько времени не видал, – как мог бы я выбрать зятя?... И не мое это дело. Девушка у вас живет, пусть ваша совесть и будет в ответе за то, какую вы ей любовь окажете...

Наступило тягостное молчание. Грудь старика высоко вздымалась, дыхание участилось, – видно, не совсем еще потухло его догорающее сердце, еще хранило оно под пеплом неукротимый жар.

И в самом деле, разве не горестна участь отца, вынужденного поручить другим заботу об единственной своей дочери?

Глаха немного успокоился, взял себя в руки и тихо продолжал беседу, отдельно произнося каждое слово, – он как бы оставлял завещание брату.

– Позабыт я богом и людьми, одной нотой в могиле стою, не нынче-завтра придет час смерти, и я исчезну... Для моей Нуну ваш дом – отчий дом, и потому постарайтесь выбрать ей такого жениха, чтобы он и для вас стал полезен... А если сама полюбит кого, это уж и вовсе будет хорошо! Не мешайте ей...

– Неужто Нуну маленькая, сердечный мой? Сама должна себе выбрать, как же иначе? ... – заговорила Махия.

– Ну, ну, дело ваше! – глухо пробормотал старик, берясь за мешок и палку, и встал. – Пошел я теперь, пора! Онисе и его жена поднялись.

– Поешь еще чего-нибудь! – предложила Махия.

– Скоро и Нуну подойдет! – добавил Онисе.

– Помогай вам бог, что-то не хочется!.. – ответил Глаха. – Да и не стоит дожидаться Нуну, – лишние слезы... Прощай, брат мой, поручаю мою Нуну прежде всего богу, а потом вам... Увидимся ли снова, – кто знает?!.. Прощай, Махия, ты и совесть твоя материнская пусть будут порукой тому, что хорошо за дочь мою присмотришь.

Он повернулся и переступил порог дома, который так трудно ему было оставить. Онисе вышел вместе с ним, Махия осталась дома.

– Хотя бы вечера дождался! – снова заговорил Онисе.

– К чему?

– Как бы не узнали тебя...

– Кто меня может узнать? Люди давно обо мне позабыли.

Беседуя, дошли они до ущелья Куро и там попрощались. Онисе повернул обратно. Когда он скрылся за скалой, Глаха присел на камень и глубоко задумался.

Воспоминания нахлынули на него. Он вспомнил свою молодость, жену, былые надежды – все, чем так сладостна горькая жизнь человека! Вспомнил о горах, где в прежние годы паслась его отара, и в памяти его всплыл тот далекий Иванов день, когда он, идя на праздник, встретил девушку и полюбил ее с первого взгляда, и кровь, воспламенившись, бурно потекла по жилам. Печаль залила его сердце. Куда ушло это счастье, почему исчезло оно?...

Он как бы видел себя чужими глазами: полный сил и счастья юноша превратился теперь в одряхлевшего старика, которому суждено последние дни своей жизни побираться, бродя из дома в дом, который даже в час смерти не будет оплакан никем... Горе сдавило обручем сердце, долго сдерживаемое отчаяние подступило к горлу, закипело, заклокотало в груди и наконец хлынуло слезами из глаз.

Слезами утолил он душу свою, поднялся еле живой, весь разбитый, и посмотрел в сторону родного села.

– Ах, превратный мир! – воскликнул он, махнул безнадежно рукой, отвернулся и, шатаясь, побрел по направлению к Владикавказу – Дзаугу.

Онисе, человек бывалый, не очень склонный грустить из-за разлуки с братом, к тому же еще уступившим ему свою долю, все-таки в последнюю минуту растрогался, и потому пришел домой с тяжелым сердцем.

– Что с тобой? – спросила его жена.

– Ничего! – тихо ответил Онисе, украдкой вытирая набежавшую на глаза слезу.

– Ты поплачь, не стесняйся! – насмешливо проговорила жена, усаживаясь у очага.

– Уж не думаешь ли ты, что с братом так-то легко расстаться?... Бог знает, доведется ли когда свидеться?...

– Ему хорошо, он ушел, и все тут!.. Нам вот худо будет, если бы и захотели, никогда нам не уйти из здешних убогих мест.

– Да, все это верно, он ушел, и да поможет ему бог... Но как нам быть с девушкой, с несчастной этой?

– С Нуно? Многие к ней сватаются. Отдадим, отделаемся, и все тут!

Онисе опустил голову и задумался.

– Как быть? Не нравится мне этот парень, как взять грех на душу – отдать за него чужую дочь? Да и девушке, бедняжке, не по сердцу он, говорит, покончу с собой, а за него не пойду.

– Что ее спрашивать, ей-богу! Пойдет за того, кого мы для нее выберем.

– Да, но ведь Нуно любит другого и...

– Ну и пускай себе любит, что из того? – резко оборвала жена.

Дверь открылась, и в комнату бесшумно вошла девушка лет шестнадцати-семнадцати, стройная, тонкая, с высоким медным кувшином за спиной. Она не спеша опустила кувшин на пол, отвязала от него ремни и повернулась к сидящим:

– Где отец? – опросила она.

Этот простой вопрос, заданный совсем спокойно, почему-то смутил Онисе и Махию. Они не нашлись, что сказать, и молчали.

– Отец где? – все так же спокойно повторила она свой вопрос, пристально глядя на Махию.

– Ушел, – наконец ответила Махия.

– Ушел? – переспросила Нуно упавшим голосом, и руки ее повисли вдоль тела.

Как острие копья, вонзилось ей в сердце это слово, она даже не сразу осознала его.

– А я-то думала... – тихо сказала она и, медленно опустившись на пол, стала беззвучно плакать.

– О чем ты плачешь? – принялась утешать ее Махия.

– Я хотела повидаться с отцом, – сквозь слезы шептала Нуно,

– Перестань, пожалуйста! – рассердилась Махия, но тотчас же спохватилась и добавила спокойно: – Вот скоро выдадим тебя замуж, и позабудешь ты все свои огорчения.

– Я не хочу замуж! Не пойду! – хмуро произнесла Нуно.

– Это ты сейчас так говоришь, а потом передумаешь, – сказал Онисе.

– А уж за какого человека тебя выдадим, ей-богу, всем на зависть, – продолжала Махия.

– Нет, нет, не хочу! – твердила Нуну. – Знаю я, за кого вы меня прочите; удавлюсь, а за него не пойду!

– Почему так, почему не пойдешь?

Нуну молчала. Вдруг ей подумалось: а что, если броситься в объятия Махии, прижаться к ее груди, преодолеть девическую стыдливость, открыть свою заветную тайну: Я люблю другого, пожалей меня, Махия! Она подняла голову и увидела суровое лицо своей тетки, встретила ее леденящий взгляд. Слова застыли у нее на устах. С ужасающей ясностью поняла она, что перед нею не друг, способный понять ее чувства, а чужая женщина, давно уже неумолимо решившая ее судьбу, что она не изменит своего решения и никакие слова, никакие мольбы ее не смягчат.

И в самом деле, как бы в подтверждение ее предчувствия, Махия произнесла сурово и решительно:

– Ну, будет, довольно!.. Твой отец, уходя, поручил нам твою судьбу, и ты пойдешь замуж за того, кого мы выберем тебе в женихи.

Нуну посмотрела на нее глазами, полными скорби и решимости не покоряться, не уступить никому.

– А теперь ступай на луг, захвати с собой серп и накоси там где-нибудь травы на свясло, – сказала Махия и встала.

Встала и Нуну, покорно пошла исполнять приказание. Выйдя в поле, она остановилась. Она одной рукой уперлась в бок, словно поддерживая свой тонкий стан, другая рука, державшая серп, висела, как сломанная, вдоль бедра. Время шло, минута сменяла минуту, а она все стояла, впериw застывший взгляд в пространство и всецело уйдя в свои горькие думы.

– Удачи тебе в твоей работе! – громко окликнул Нуну стройный юноша, неслышно подошедший к плетню. Облокотившись на него, он со спокойной улыбкой следил за девушкой.

Девушка вздрогнула, вся зарделась от смущения.

– Хорошо же ты работаешь! – все с той же улыбкой продолжал юноша, поглаживая молодой пушок над верхней губой.

Нуну заставила себя наклониться и дрожащей рукой принялась срезать траву.

Юноша медленно шагнул через плетень, подошел к девушке и сказал:

– Постой, дай-ка мне серп, я тебе пособию.

– Нет, нет! Оставь меня, я сама.

Юноша испытующе взглянул на Нуну, в первый раз услышал он от нее такой ответ.

– Что с тобой, девушка, почему так говоришь со мной?

– Ничего, ничего! – торопливо ответила девушка. – Ступай, как бы не увидел нас кто-нибудь! – тревожно добавила она.

– А если и увидят? – раздумчиво спросил юноша, – подозрение кольнуло его в сердце.

Он задумался.

– Почему не рассказываешь, что за беда у тебя? – спросил он.

– Меня хотят выдать замуж за другого! – вдруг вскрикнула Нуну, и слезы полились у нее из глаз.

– За другого? – побледнел юноша.

– Да, за другого!

– А что отец?

– Отца нет, он ушел! – с отчаянием прошептала Нуну.

– Ушел? – дрогнувшим голосом повторил юноша и низко опустил голову.

Долго стоял он в глубокой задумчивости, потом гордо вскинул голову и оказал:

– Пусть Иаго умрет, если отдаст тебя другому!.. Вот что! Сегодня вечером, когда все улягутся спать, выходи сюда. Я и сам еще не знаю, что сделаю, но, клянусь благодатью святого Гиваргия, никому тебя не уступлю!.. Ведь ты придешь, да?

– Не знаю, смогу ли...

– Ты, может быть, сама раздумала итти замуж за меня? – спросил Иаго, нахмутив брови. Нуну ничего не ответила, она только взглянула на юношу, но так взглянула, что тот весь затрепетал.

Иногда один-единственный взгляд выражает в тысячу раз больше, чем самые страстные речи, самые убедительные слова.

Так взглянула Нуну, и взгляд ее вонзился, как стрела.

Иаго позабыл обо всем, позабыл о том, что даже малейшая неосторожность могла выдать каждое их движение, и самозабвенно обнял девушку.

– Нуну, Нуну! Жизнь моя! – целовал он ее. – Ведь ты придешь, придешь ко мне?...

Мгновение счастья опьянило Нуну, она крепко прижалась к юноше и несколько раз порывисто его поцеловала.

– Значит, придешь сюда, на луг, нынче ночью? – упорно допытывался Иаго.

– Хорошо, хорошо, только теперь уходи!

– Уйду, сейчас уйду... Только один раз, еще один только раз поцелую тебя...

Не дай бог, если бы кто-нибудь подсмотрел их ласки, дорого обошлось бы Иаго его безрассудство. Но, на счастье, никто их не заметил. Они расстались с тем, что вечером встретятся снова и решат, как быть дальше. Иаго пошел к своему крестному отцу за советом. Нуну, успокоившись, принялась жать траву.

Она еще работала в поле, когда Глаха достиг Дарьяльской крепости, где он предполагал присоединиться к другим путникам или войсковым частям, чтобы добраться до Дзауга.

Глаха принадлежал к зажиточному роду, мощь которого была подорвана в прошлом веке новыми порядками, безжалостно ломающими народные обычаи. Но в горах все еще бушевала гордая, неукротимая кровь горцев и постоянно давала о себе знать. В юности Глаха женился по любви, и первые дни его жизни с любимой подругой протекали безмятежно. Но к счастью скоро примешалась горечь. Глаха заметил, что сельский есаул его невзлюбил – постоянно придирается к нему, заставляет больше всех гнуть спину на оброчной работе. Протестовать против такой несправедливости было бесполезно: в ту пору человек не только не мог нигде добиться правды, он даже не знал, кому пожаловаться. Как-то раз, когда Глаха вернулся домой, зашел к нему есаул и попросил одолжить арбу. Глаха отказал. Есаул настаивал, и Глаха избил назойливого просителя.

За эту провинность Глаха был арестован и заключен на три года в тюрьму, где он прошел сквозь все муки, какие только способно представить себе человеческое воображение. Но тяжелее всех страданий была для него разлука с любимой женой, оставленной им без поддержки. Брат Онисе был еще слишком мал, чтобы позаботиться о своей невестке и о родном очаге.

Вскоре после того как Глаху заперли в темницу, в село прибыл диамбег, один из тогдашних вершителей крестьянских судеб, и с помощью избитого есаула стал домогаться любви беззащитной женщины, которая, на беду, ему приглянулась. Есаул старался изо всех сил, всячески уговаривал жену Глахи, но не сумел склонить ее на измену мужу. В конце концов он прибегнул к низкой хитрости: посоветовал ей обратиться к диамбегу с просьбой спасти ее мужа, которому, по словам есаула, грозила ссылка в Сибирь.

– А спасет его диамбег, если я попрошу? – робко опросила несчастная женщина.

– То-то и есть, что спасет! Он и рад бы помочь Глахе, да не может сам начать дело, ведь он правитель Хеви. А если ты попросишь его, он вмиг все устроит.

Измученная оброками и всяческими несправедливостями, женщина поверила уговорам есаула и пошла рассказать о своем горе тому, кому была поручена забота о благополучии народа.

Едва подошла она к порогу, как на нее сзади набросились есаулы и на руках внесли к диамбегу.

Тот ходил из угла в угол, с нетерпением ожидая этой минуты. Улыбаясь и потягиваясь в предвкушении удовольствия, он быстро отпустил есаулов, сослуживших свою службу.

Бедная женщина, дрожа от страха и ничего не понимая, осталась лицом к лицу с этим извергом. А он не спеша запер дверь на ключ, подошел к женщине, развязно обнял ее за плечи и силой усадил на тахту.

Излишне рассказывать о том, что произошло в этот вечер. Диамбег поступил, как человек, лишенный совести, как бездушный зверь, для которого честь и воля женщины, – да еще крестьянки, – ничто.

А ночью, когда он изволил почивать, вдруг распахнулось окно, зазвенели разбитые стекла и кто-то стремительно впрыгнул в комнату. Диамбег проснулся от шума, зажег спичку-перед ним стоял Глаха, который бежал из Ананурской крепости, не выдержав горя и нечеловеческих мук. Глаза его пылали гневом.

Жена кинулась к нему, протянув с мольбою руки, умоляя ее спасти, но тотчас же рухнула на пол: муж рассек ей грудь кинжалом.

Диамбег кинулся под кровать, но Глаха вытащил его оттуда за ногу и крикнул, вонзив ему кинжал подмышку:

– А ты – свинья, и я тебя зарежу, как свинью!

С того ужасного дня Глаха исчез из родных мест, и его осиротевшая дочь, которая была еще грудным младенцем, выросла на попечении добрых соседей; когда Онисе женился, он взял ее в свой дом.

Теперь мы знаем, почему Глаха скрывался от людей, и можем продолжить наш рассказ.

Глаха добрался до Дарьяльской крепости, куда обычно стекались путники, направляясь во Владикавказ, и войска, охранявшие их от беспокойных горцев, сторонников Шамиля.

Когда Глаха подошел к крепости, навстречу ему выступил какой-то ефрейтор и строго окликнул его: – Ты кто такой?

– Я – нищий.

Ефрейтор смерил Глаху недоверчивым взглядом и покачал головой.

– Знаем мы вас! – воскликнул он. – Меня не проведешь!.. – и злобно добавил: – Нарочно вырядился в тряпье, чтобы тебя не узнали!

– Нищий я, клянусь богом! – наугад ответил Глаха, плохо понимавший русский язык.

– Ты, верно, приспешник Шамиля, подослан к нам для слежки.

Глаха засмеялся и спросил, удивленно разглядывая ефрейтора:

– Что ты говоришь?

– Я вот доложу о тебе его высокородию, и тебя расстреляют в двадцать четыре часа! – оказал тот так спокойно, словно сулил ему хороший обед.

– Да ты взгляни на меня хорошенько, разве мне под силу такое дело? Нет, горцы не посылают таких, как я, к Шамилю.

– Знаем, мы, что вы за люди!..

– Да отпусти ты меня бога ради, чего тебе надо?

– Я доложу их высокородию, там сами разберутся!

Глаха задумался о своей судьбе. Он никак не мог понять, чего от него надо этому человеку, почему он грозитя донести начальству. Ведь он, Глаха, так стар и дряхл, что никому нет от него никакого вреда. А между тем его хотят расстрелять в двадцать четыре часа. Значит, пришел конец его безмерным страданиям, теперь окончатся навсегда беспокойные дни, подтачивающие тоской его сердце. Глаха, пожалуй, обрадовался бы этому, его только удивляло, что христианин может так не по-христиански притеснять христианина, сильнее неверного жаждать крови собрата своего. Некоторое время солдат разглядывал Глаху, потом вдруг схватил его за руку и оттащил в сторону.

– Тебе очень нужно пройти?

– Конечно, нужно, иначе я и не полез бы сюда.

– Тогда дай мне рубль, и я тебя проведу.

Глаха подумал, что услышался – таким невероятным показалось ему предложение солдата. Он переспросил:

– Что ты сказал?

– Дай рубль, и я тебя проведу, – повторил ефрейтор.

– Рубль? – воскликнул Глаха: – Да где я его возьму, милый человек?... Был бы у меня рубль, да я разве так бы одевался?... Ты погляди на мои лохмотья.

– Как знаешь, тогда доложу о тебе офицеру.

– Да нет у меня! Откуда я возьму?

Долго торговался блюстителю порядка с Глахой, и Глаха долго клянчил и кланялся, но сердце солдата было неумолимо. Убедившись, что у нищего нет денег, солдат решил пожить чем-нибудь из его одежды, но одежда нищего оказалась чересчур убогой.

– Вот нож есть у меня один, перочинный, на, возьми, если хочешь?

Поняв, что с Глахи больше взять нечего, солдат забрал нож, прикинув, что стопку водки за него, пожалуй, дадут.

На этом они сошлись, хотя солдат и не был в восторге от своей добычи, и Глаха присоединился к путникам, которые наутро должны были двинуться к Владикавказу.

Близился вечер. Ожидая ужина, вся родня Нуно собралась вокруг очага. Нуно, как младшая в семье, месила за перегородкой тесто на лепешки, – их запекали прямо в золе,

– Онисе, эй, Онисе! – вдруг крикнул кто-то снаружи.

– Выгляни-ка, кто зовет, – обернулся Онисе к мальчику, гревшему у огня голые грязные коленки. Мальчик вскочил и выбежал на двор.

– Кто там, кто зовет? – крикнул он.

– Это мы, – из темноты выступили два человека в бурках.

– Онисе дома? – спросили они.

– Дома! – ответил мальчик и вернулся к очагу.

Гости остались дожидаться. В горах не принято переступать порог дома, пока хозяин не выйдет навстречу и не попросит к себе, – неожиданное появление чужих могло бы смутить хозяев.

– Входите с миром, входите с миром! – пригласил Онисе пришедших.

– Да пошлет мир тебе святой Гиваргий! – гости переступили порог.

– Мир этому дому! – воскликнули они, войдя в комнату.

– Пошли вам господь! – ответила Махия, старшая в доме женщина, поднимаясь им навстречу и протягивая руки.

Гости по очереди почтительно пожали ей обе руки.

– Как поживаете, здоровы ли домашние ваши, хороши ли стада? – ласково осведомилась Махия.

– Вашими заботами, слава богу, живем ничего!

Онисе предложил гостям сесть на длинную скамейку. Гости не спеша сняли бурки, которые приняли от них младшие в доме, и молча уселись рядом на скамейке. Наконец один из гостей, который был помоложе, отвернул полу чохи, достал из кармана бутылку домашней водки и передал ее мальчику.

– Зачем беспокоились, право! – покачал головой Онисе: – К чему это?

– Отчего же, разве мы с вами враги?

– О, горе мне! Враги-то не враги, да разве я сам не мог бы достать для вас водки?

Все сидели молча до тех пор, пока Махия не вышла из-за переборки.

– Присядьте, Махия, хотим вам два слова сказать! – начал один из гостей.

Махия опустила у очага. Онисе сел поодаль на стул.

– Вот мы пришли к вам с просьбой, – заговорил один из пришедших. – Сперва помянем бога, а потом расскажем, что у нас на сердце.

– Добрые речи говоришь, Мамука, ей-богу! – отозвался Онисе.

– Говорите, дорогие, наши уши обращены к вам, – добавила Махия, – закидывая на голову концы платка, которые были завязаны у нее под подбородком и мешали ей слушать.

– Мы сватами к вам пришли, девушку просит у вас Гиргола для брата своего, – снова заговорил Мамука.

– Семья хорошая, да и жених тоже хорош, ничем не попрекнешь, ей-богу! – добавил второй гость.

– Сам Гиргола на царской службе, стражником служит, во всем будет вам подмогой, – продолжал первый.

– Что бога гневить, семья у него хорошая, известная в Хеви, да только брат Гирголы, Ниния, всегда в горах с отарой, у самого Гирголы никого нет в семье, как же одна наша девушка справится в их доме? – пораздумав, сказал Онисе

– А что с ней станется, дорогие, ведь не маленькая она, ваша Нуно!

– Не маленькая-то не маленькая, да ведь уход за домом ума требует, а у Гирголы дом большой, много гостей ходит, всех надо встречать...

– Мы пришли честью вас просить, – перебил гость, – надемся, не отправите нас без ответа, а там – как знаете!

– Почему Гиргола оставил свою жену? – продолжал Онисе. – Пусть возьмет ее обратно в дом. Тогда две-то снохи легче справятся с работой.

– Возьмет, возьмет обратно, а как же иначе! – закивали головами сваты.

– Не знаю, как быть! Уж очень он жестокий, Гиргола, всегда бранил свою жену, бил ее, за волосы таскал, просто уж и не знаю, на что решиться! – грустно говорил Онисе.

Довольно долго длилась эта торговля, хотя Махия давно уже решила отдать Нуно за Нинию, а решение Махии было для Онисе непреложным законом. Ясно было, что сваты выйдут победителями, а родственники девушки спорят только ради того, чтобы набить цену и взять за нее побольше выкупа.

– Сильны они, мои милые, – продолжали сваты. – Нагрузите их потяжелее, они все подымут... Что там долго говорить о выкупе-то!

– Пятнадцать коров, как выкуп, рублей десять Махии, – она ведь воспитала девушку, – одного коня дяде, брату ее матери, пять баранов откормленных, ну, и сыра, и масла, сколько полагается.

– Ох-хо-хо! – огорченно воскликнул Мамука: – Уж не много ли вы запрашиваете?

– А девушку-то какую мы отдаем!.. – с обидой воскликнула Махия и тихонько добавила: – Обижать вас не хочется, а то просителей к нам не мало ходит... Жизнью вашей клянусь, что и выкупа давали побольше вашего; да, видно, ничего не поделаешь, вашу семью уважаем.

Вскоре они договорились, сваты оставили в залог обручения пять рублей, и судьба Нуно была решена: ее отдавали в семью, жизни в которой любая женщина Хеви предпочла бы смерть.

По горскому обычаю Нуно все это время оставалась за переборкой. Из долетавших до нее отдельных слов она поняла, что идет разговор о ее замужестве. Она напрягала слух, но не могла расслышать, как легко и дешево торгуют чужие люди ее судьбой: жилище было просторное, и переборка отгораживала самый дальний угол. В ее сердце закипала горечь, она знала, что родня и не подумает ее спросить, нравится ли ей Ниния. Она устала от напряжения. Ее мысли обратились к Иаго, ее возлюбленному, который, вероятно, ждет ее теперь на лугу.

Она молила бога, чтобы закончились поскорее переговоры, чем бы ни грозили они, только бы гости ушли наконец. Но бог не исполнил ее желания: в комнате накрыли стол, и все стали пить за здоровье обрученных.

А между тем Иаго томился в ожидании. В горах сама природа приучает человека к терпению, но на этот раз Иаго с трудом сдерживал биение собственного сердца. Уж сколько раз подкрадывался он к ограде двора Онисе, стараясь выследить Нуну. Напрасно! И обессиленный тщетным ожиданием, он снова уходил в высокие травы, скрывавшие его от чужих взоров.

Тысячи тревожных мыслей металась в его голове, лоб горел от волнения, Иаго терял самообладание, не мог ни сидеть, ни стоять на месте.

Он изнемог от напряжения, все мысли спутались, он больше не мог думать, голова закружилась, подкосились колени, Иаго опустился на землю. Довольно долго был он в забытьи, как бы в тумане. Наконец он очнулся, словно кто-то, растолкав, пробудил его от крепкого, но беспокойного сна, который обессилил его, стер краски жизни с его лица. Он с тоской взглянул на небо, оно было все сплошь усеяно радостными звездами, лучи их трепетно сплетались в вышине. Рассветная звезда уже склонилась к западу, значит, уже совсем мало осталось ночи, а Нуну все не шла.

Иаго медленно встал, снова подошел к ограде, поглядел на дом, в котором жила Нуну. Оттуда еще струился свет. Иаго не мог понять, отчего так долго не спят хозяева, ведь нынче не праздник и в доме нет больных, чтобы засиживаться до утра. Отчего же не спят в этом доме?

Он бесшумно перелез через ограду и тихо направился к дому, – может быть, удастся узнать, отчего опоздала Нуну. Он шел осторожно, чтобы ни на кого не натолкнуться и не дать повода для сплетен досужим болтунам. Боясь нарушить предутреннюю тишину, он при каждом шаге ощупывал ногой землю и, если наступал на булыжник, так гибко обхватывал его ступнями ног в мягких горских чустах, что камень прирастал к месту.

Иаго подошел к двери. Бесшумнее ветерка скользнул он на балкон и припал к дверному косяку. Ему хотелось узнать, о чем там говорят, или, по крайней мере, кто так поздно засиделся у дяди Нуну. Но слова не долетали до его слуха, а окно было так высоко, что заглянуть в него было невозможно. Он спустился во двор, обошел вокруг дома, взобрался по лестнице на плоскую крышу, нашел там отверстие, которое часто делается в мохевских домах, и заглянул вниз. Его глазам представился пиршественный стол, за ним сидели хозяин дома, его жена и двое чужих, которых Иаго знал очень хорошо, так как они были из одного с ним села. Как видно, они кончили ужин и пили последний тост.

Зачем эти люди в доме Нуну? – вот что хотел узнать Иаго.

– Да благословит бог начатое нами дело! – вдруг услышал Иаго голос одного из гостей. И вскоре несчастный влюбленный понял, что речь шла о замужестве Нуну.

Значит, обручили Нуну! – с тоской подумал Иаго.

– Не забудьте же про выкуп! – напутствовал госте Онисе.

– Нет, как можно забыть! – ответили гости.

– А не забудете, так и я в долгу у вас не останусь, бог свидетель! – сказала Махия.

– Спасибо, Махия, дай тебе бог! Уж чего же нам больше! – ластились к ней гости, у которых заплетались языки от хмеля.

– А то вы ведь хорошо знаете Иаго, – не унималась Махия, – и отвагой своей, и работой он в Хави каждому известен, и он просил нас отдать за него Нуну, а мы только из любви к вам ему отказали.

– А кто такой Иаго? – обиженно возразил один из гостей. – Он – крепостной своего барина, только и всего... Ни земли, ни двора, ни дома у него нет!.. Будь он достойным человеком, не снес бы отцовского дома.

– То-то и есть, что не снес бы, ей-богу! – воскликнул Онисе и добавил: – Да и выкуп разве смог бы он уплатить?

Как стрелы, впивались в сердце Иаго эти слова, они ему напоминали о прошлом. Мать его, когда-то вольная, была вероломно продана одному феодалу. Отец погиб в борьбе за отчизну. Овдовевшая, беззащитная мать несправедливо была записана крепостной. Иаго

горько задумался. Когда-то прославленный свободолюбивый род его был теперь в рабской зависимости от грубой силы, и его же, Иаго, упрекают, как будто в этом его вина!.. Только случай спас его соседей от подобной же участи, и только случайно называются они свободными государственными крестьянами. Отчего же они так жестоко осуждают теперь проступок Иаго?

Тем обидней звучали слова Онисе и его гостей, что и положение тоже было незавидным. Название свободный крестьянин давно потеряло всякий смысл.

Тогда почему же Иаго лишен счастья, на которое имеет право всякое создание на земле?

Только потому, что он родился в рабстве?

Разве Иаго сам виноват в этом?

Все эти мысли стремительно нахлынули на Иаго, голова затуманилась от обиды и боли.

Он решил уйти, и оторвался от крыши. И вдруг его неудержимо повлекло к Нуну: увидеть ее, услышать от нее самой, что она о нем думает, заглянуть ей в глаза и самом убедиться во всем.

Должно быть, и она думает, как все... – вздохнул Иаго и хотел было спуститься, но, дойдя до края террасы, быстро взобрался обратно к тому отверстию в крыше, откуда мог увидеть свою возлюбленную.

Он нагнулся и разглядел печально склоненную фигуру Нуну. По всему ее облику было видно, как много пережила она за эти часы. Сердце Иаго бурно забилося от боли и сочувствия к ней. Он не мог ей помочь, он даже не мог сказать ей слов утешения из своей засады, хотя, кто знает, возможно, что и наедине с ней не сумел бы вымолвить ни слова.

Вдруг Иаго нащупал камешек и, нацелившись, бросил его вниз. Камешек упал прямо на колени к Нуну. Девушка вздрогнула, вскочила и подняла голову. В отверстии потолка она увидела Иаго, который глядел на нее пылающими глазами. Девушка улыбнулась ему.

Несколько мгновений смотрели они так друг на друга, и оба поняли: они созданы только друг для друга и жить в разлуке им невозможно!

Иаго не выдержал и дрожащим голосом тихо спросил:

– Ты придешь на луг?

– Я же тебе обещала, – прошептала Нуну в ответ.

– Истаял я, ожидая тебя!

– А что я могу сделать? У нас гости, и никто еще не ложился!

– Значит, ждать тебя? – спросил Иаго, хотя он все равно остался бы на лугу, если бы даже Нуну не обещала притти к нему.

– Как хочешь! – коротко ответила Нуну и повела плечом, как бы удивляясь его вопросу.

Вошла Махия. Она проводила гостей и собиралась лечь спать. Нуну и Иаго замолкли.

– Ты что сидишь, не идешь спать? – спросила Махия.

– Ты сама еще не легла, не могу же я лечь раньше тебя, – тихо ответила ей Нуну.

– Стели постели, пора спать.

Нуну охотно повиновалась, расстелила постели и уложила всех.

Потом засыпала золой угли в очаге, погасила лучины и сама легла, не раздеваясь.

Ночь близилась к концу, и она надеялась, что все скоро заснут. Каково же было ее удивление, когда Махия ее окликнула:

– Нуну, ты заснула?

Нуну ничего не ответила и притворилась крепко спящей.

– Нуну, ты не слышишь?

Девушка молчала.

– Что за сон на тебя навалился, да что это с тобой?... Нуну!.. – громко, позвала Махия.

– Что? – сердито отозвалась Нуну.

– Пододвинь ко мне поближе свой тюфяк, хочу тебе что-то сказать.

– Махия, спать хочется, разговаривать некогда, скоро рассвет, – ответила Нуну и, перевернувшись на другой бок, принялась громко храпеть.

– Слышишь, придвинься, я тебе что-то скажу!

Нуну решила ни слова не отвечать так не вовремя разошедшейся тетке и отделаться от нее во что бы то ни стало.

– Нуну!.. Девка!.. Чтобы святой Гиваргий навеки тебя усыпил, если уж ты такая хорошая!.. Не слышишь, что ли? – сердилась Махия, но Нуну упорно отмалчивалась.

Махия хотела было встать, но лень одолела ее, и она наконец уснула.

Нуну долго лежала неподвижно и прислушивалась. Наконец осторожно встала, подошла к двери и открыла ее. Иаго ждал ее с нетерпением тут же, возле дома, и крепко обнял, едва она ступила на порог.

Мохевская девушка готовилась поговорить со своим возлюбленным, ей казалось, что для этого ей целого века не хватит, а теперь стояла она молча, опустив голову, вся зардевшись, и не могла вымолвить ни слова. Иаго глядел на нее, свою желанную, и чувствовал, как крепко они любят друг друга, и знал, что она пойдет на все ради этого несказанного блаженства.

Это мгновение было так сладко для Иаго, что он не совладал со своим волнением, позабыл даже об осторожности.

Он медленно наклонился к Нуну и приблизил лицо к ее пылающему лицу. Оно одурманивало, пьянило его. Еще ниже наклонился он к девушке, прядь ее волос, колеблемая утренним ветерком, ласково коснулась его щеки. Дрожь прошла по нему. Он обезумел, испуленно приник к ее лицу сухими губами и стал целовать.

Потом обхватил ее, как ребенка, поднял на руки и в несколько прыжков добежал с нею до луга.

Он целовал ее, шептал ей:

– Ты одна – вся радость моя... Пусть попробуют отнять тебя у меня... Пусть весь мир ополчится против меня, он увидит, а что я способен!

Но когда они немного успокоились и пришли в себя, они ужаснулись своей судьбе, ясно поняли, как безысходна, как печальна она.

Иаго ловок, смел, отважен и сообразителен, но кто он такой? Неимущий крепостной, собственность барина, который мог в любой день продать его, выслать, подарить кому угодно. Право на счастье он должен выпрашивать у своего господина, как милостыню. Если господин почему-либо не пожелает подарить своему рабу это счастье, тому придется навеки расстаться даже с мыслями о Нуну.

– Что же нам делать?... Как быть? – с тоской спрашивал Иаго. – Тебя обручили с другим, обрекли нас на кровную месть!

– Ну и пусть обручили! Я не выйду замуж ни за кого, кроме тебя, никого мне не надо! – страстно воскликнула Нуну.

– И я никому тебя не уступлю, но почему твой дядя это допустил? Мало ему было доли твоего отца, он захотел еще и на тебе заработать.

У Нуну слезы подступили к глазам. Ей вспомнился отец, покинувший ее в такую трудную минуту. Это он позволил своему брату так безжалостно растоптать ее молодое сердце!

– Они нарочно поспешили спровадить отца, чтобы распорядиться мною по своей воле. Безжалостные, злые люди!

– Не плачь, родная моя, не надо! Клянусь благодатью святого Гиваргия, не отдам тебя никому!

– Да, но ведь сам ты не волен в своей судьбе, все так и говорят про тебя.

– Да, я раб! – с горечью сказал Иаго, низко опустив голову. – Ну и пусть – раб!.. Меня это не остановит! Силой сделали меня крепостным, силой отобрали все имущество, а теперь хотят силой отнять тебя! На этот раз не уступлю насильникам, и посмотрим, чья мать заплачет.

Только ты люби меня, не променяй на другого, а мир велик, врага назову другом, а твою жизнь устрою.

– Горе мне, несчастной! Как могу я тебе изменить, если отдала тебе свое сердце? Одна только смерть разлучит меня с тобой.

– Жизнь ты моя, родная моя! – воскликнул Иаго, еще крепче обнимая ее, – Только бы ты любила меня! Прямо в Чечню тебя увезу!

Из деревни послышались голоса. Вероятно, дровосеки собирались в путь к Ларсу. Нуну и Иаго опомнились, пора было им расставаться.

– Уже утро! – печально сказала Нуну.

– Иди, иди, а то увидят тебя. Долго ждали, подождем еще немножко, пораздумаем оба, есть и у меня близкие друзья, посоветуюсь с ними. Здесь ничего не надумаем, пойдем прямо в Чечню к Шамилю, если ты не боишься кистинов?

– С тобой ничего не боюсь!

– Ты – вся моя жизнь! – повторил Иаго слова ласки, известные каждому жителю Хеви, и снова обнял девушку. – А завтра придешь сюда? Приходи, приходи, милая! Трудно сердцу моему без тебя! – Он еще раз поцеловал ее, прижал к груди, потом повернулся, быстро перескочил через забор и скрылся за выступом стены.

Нуну тяжело вздохнула, посмотрела ему вслед и тихо произнесла:

– Святой Гиваргай порукой, Нуну будет твоей женой или в реке утонет.

Она шагнула через изгородь и медленно вернулась в дом. Никем не замеченная, легла в свою постель.

Иаго миновал ряд домов. Вдруг чьи-то руки легли ему на плечи. Он вздрогнул и остановился.

– Долго же ты не спишь, молодчик! – услышал Иаго. Он обернулся и отступил назад.

– Диамбег! – воскликнул он.

Да, перед ним стоял диамбег в окружении нескольких вооруженных казаков. Этот человек был недавно переведен сюда и сразу же назначен правителем Хеви. . . За такую милость господин диамбег, разумеется, был благодарен властям, и поэтому он счел необходимым плетью принуждать к почтительности этот непросвещенный народ и за всякую, даже самую малую провинность наказывать ударом кнута. Мало того, вовсе не зная ни языка, ни нравов, ни обычаев этого народа, он был вынужден обзавестись целым штатом доносчиков, фискалов и лазутчиков, которые постепенно прибирали к рукам диамбега, и он, сам того не сознавая, превращался в покорного исполнителя их воли. Его окружали, главным образом, люди из соседних горских племен, готовые за грош продать своего брата; иногда это были сами мохевцы, потерявшие совесть и честь, развращенные новыми порядками и порвавшие всякую связь с собственным народом. Можно себе представить, насколько справедливы и правдивы были их донесения. Всегда и все делали они лишь ради собственной выгоды и заставляли диамбега служить своим интересам. А правитель края, в свою очередь, зависел от диамбега, и потому несправедливостям, творимым в те времена, не было конца.

С одним из таких диамбегов встретился Иаго в тот злополучный час. Диамбег этот и сопровождавшие его люди возвращались из дома одного крестьянина, якобы скрывавшего ворованные вещи. Этот ложный донос был сделан ради того, чтобы отвлечь в сторону внимание диамбега и казаков, чтобы дать возможность друзьям доносчиков свободно ограбить на привале у духана погонщиков каравана верблюдов, Диамбег, разумеется, не обнаружил следов пропавших вещей и возвращался в самом скверном расположении духа. К тому же ему уже успели донести об ограблении каравана, и он бесновался, будучи не в силах постигнуть, отчего он не справляется со своими служебными обязанностями. Хорошо же, если он не в силах бороться с воровством и грабежами, он сумеет пресечь хотя бы круговую поруку в этих

делах среди сплошь преступного, как он думал, населения. Потому он все чаще и прибегал к произволу и кнуту.

Он обрадовался, что сможет хоть на ком-нибудь сорвать свою злость.

– Ты что тут делал в такую рань? – строго спросил о Иаго.

Иаго растерялся от неожиданности и не сразу нашелся что сказать. Опомнившись, спокойно ответил:

– Был у своих друзей, иду домой.

– Знаю я, у каких друзей ты был! – крикнул с угрозой диамбег. – Возьмите его и свяжите! – приказал он стражникам.

Среди стражников был жених Нуну. Он первым подскочил к Иаго, но тот увернулся и схватился за кинжал.

– Вы отойдите в сторону, пусть он сам ко мне подойдет! – и Иаго указал на диамбега.

Диамбег, перепугавшийся не на шутку, попятился назад...

– Чего стоите! – прикрикнул он на казаков. – Вяжите его!

Иаго приготовился к прыжку, мускулы его напряглись, он глядел на диамбега гневными, горящими глазами. Есаулы не решались к нему подойти. Этим воспользовался брат жениха есаул Гиргола и украдкой зашел к нему за спину. И Иаго вдруг почувствовал, что цепкие руки обхватили его сзади. Он попытался вырваться, но Гиргола, высокий, широкоплечий силач, не выпускал его.

– Гиргола! Разве я твой должник? Пусти меня, отойди, а то кровь подступает к горлу! – скрежеща зубами, сказал ему Иаго.

Гиргола старался свалить его с ног, но не мог сдвинуть с места.

– Бейте, бейте его! – приказал диамбег.

– Зачем ты хочешь обагрить меня кровью соседей моих? Сам выходи на меня, если храбрости хватит!..

Не успел Иаго произнести эти слова, как кто-то ударил его сзади плашмя кинжалом по голове. В глазах у него потемнело.

– Эх вы, безбожники, предатели! – крикнул он и замахнулся кинжалом на Гирголу, но второй удар по голове оглушил его, и он опустился на колени.

Подбежали стражники и по приказу диамбега связали Иаго по рукам и ногам.

Иаго пришел в себя, снова вскочил и попытался защищаться, но веревки врезались в мускулы и парализовали их.

– Гиргола! За что ты меня так? Что ты таил против меня? Эх, и бабой же ты оказался!

– Замолчать! – стегнул его плетью диамбег.

У Иаго искры посыпались из глаз от гнева и сознания своего бессилия.

– Бесчестный, безжалостный! Прикажи лучше, чтобы зарубили меня, за что ты меня так?

– Завтра узнаешь, за что! – злобно ответил диамбег.

Связанного Иаго забрали и бросили в помещение, которое называлось тюрьмой. Летом там гнездились гады и насекомые, а зимой через выбитые окна и щели туда беспрепятственно врвалась зимняя стужа.

Иаго хоть и был крепостным, хоть и привык к труду и терпению, – любил свой чистый горный воздух и свои обычаи. Кровь отцов струилась в нем, и понятия чести и стыда еще не утратили для него своего истинного смысла; его еще не успели развратить новые порядки, исковеркавшие его жизнь. Вот почему его потрясли события сегодняшнего утра. Измена соседей, которые не враждовали с ним открыто, его заключение в эту зловонную тюрьму, предательские удары плетью – все это обжигало грудь, терзало его невыносимой болью. И он силился представить себе то счастливое время, когда дружба и вражда проявлялись прямо и открыто. До утра оставалось уже немного, но каждая минута пребывания в тюрьме казалась ему вечно-

стью. Барин его был из числа тех мелких сошек, которые вынуждены гнуть спину перед каждым начальником, так что он не мог рассчитывать на его поддержку.

За что меня арестовали, чего им нужно от меня? – в тысячный раз повторял про себя Иаго, и каждый раз все одни и те же слова неотступно сверлили мозг: Безбожники они, несправедливые!

Между тем солнце давно уже взошло и совершило большой путь по небу. Господин диамбег изволил проснуться и, открыв глаза, пожелал лицезреть своего верного есаула, ожидавшегося этой минуты за дверью.

– Гиргола! – позвал диамбег.

– Я здесь, господин! – и Гиргола приоткрыл дверь.

– Сапоги почистил?

– Да, господин!

– Подай!

Гиргола подал сапоги, помог диамбегу одеться и приготовил все для умывания.

Диамбег не спеша засучил рукава рубашки на жирных руках и принялся умываться.

Гиргола счел это время самым подходящим для беседы и, помогая своему хозяину даже в том, в чем его помощь вовсе и не требовалась, приступил к делу:

– Во-время захватили мы ночью того парня, господин!

– А что, он признался в чем-нибудь?

– Кто бы посмел с ним разговаривать без вас!

– Должно быть, это он ограбил погонщиков верблюдов, как ты думаешь, а?

– Кто же, как не он! – подтвердил Гиргола и, помолчав, добавил со льстивой улыбкой:

– Дай вам бог, и везет же вам!

Диамбег с удовольствием выслушал такую похвалу своей деятельности.

– С одного взгляда умеете вы распознать злодея, – вкрадчиво добавил Гиргола. – Недаром во всем Хеви нынче говорят, что от вас ничего невозможно скрыть.

Диамбег расчванился.

– Ты у меня молодец, Гиргола, прямо молодец! За вчерашнюю храбрость я обязательно представлю тебя к кресту.

– Да не лишит меня господь ваших милостей, господин!

– Не приходил ли хозяин Иаго? – спросил диамбег.

– Как же, за дверью стоит, дожидается!

Потом стали раздумывать, куда бы мог Иаго девать награбленную парчу. Гиргола старался убедить диамбега не только в том, что Иаго отнес краденую материю к своему хозяину, у которого кишки от голода сохнут, но что и сам хозяин, по всей вероятности, участвовал в краже.

Услужливый раб, старавшийся погубить Иаго, и справедливый господин, слепо веривший словам своего слуги, охотно продолжали беседовать, а на дворе с нетерпением ждали выхода диамбега пришедшие бог знает из какой дали просители и среди них незадачливый хозяин Иаго, который уже не раз подходил на цыпочках к дверям спальни диамбега, чтобы узнать у стоявших там есаулов, не проснулся ли их господин.

– Проснулись, но еще не изволили встать, – слышал он ответ и на цыпочках же возвращался обратно.

А во дворе тихо беседовали просители.

– Гогия, ты зачем пришел сюда в самую страду? – спросил один пожилой крестьянин у другого, который попыхивал трубкой, присев на камень.

– Я и сам, милый, не знаю! Вызвали меня, а то разве пошел бы в такую пору к этим кляузникам!

– То-то я удивляюсь, уж не жаловаться ли, думаю, явился?

– А зачем итти к ним жаловаться, если спор какой, разве мои соседи не под боком у меня? Соберемся и мигом рассудим, что к чему.

– А все же интересно, зачем он тебя вызвал? – не унимался первый.

– Сам не знаю, – вздохнул другой, потом продолжал:– на Джварваке есть пастбища, они испокон веков считались нашими. Ну, понятно, отправили мы туда и в этом году свои отары. Моего старшего сына пастухом выбрали. И что же, являются туда казаки, хватают баранов, хотят их резать...

– Нет безбожнее их никого на свете! – заметил кто-то из слушавших.

– А мой малый не стерпел, избил казака...

– Дай ему бог здоровья! – воскликнули все.

– И теперь с нас требуют уплаты за лечение казака, а место определили другое, за караулом начальника...

– А что это значит караул начальника?

– Да всему свету известно, что это место тоже наше, а с нас теперь требуют в уплату за лето шестьдесят голов баранов. Откуда нам столько взять, и, главное, за что? Земля-то ведь наша!

– Неверные они, неверные... Нет у них закона!

В эту минуту на балконе показался диамбег. Все вскочили и обнажили головы.

Мелкий феодал, хозяин Иаго, подошел поближе, снял шапку, низко поклонился диамбегу. Тот сделал вид, что не заметил старика, повернулся к нему спиной. Помещик изменился в лице, надменность диамбега оскорбила его, он вспомнил былую свою независимость. Он надел на голову шапку и отошел в сторону, гордо распрямив стан. И когда диамбег снова повернулся к нему, ожидая поклонов и униженных просьб, он увидел гордо стоящего в стороне старца, глядящего на него помутившимися от гнева глазами. У диамбега готов был сорваться с губ злобный окрик, но, взглянув на грозное лицо помещика, он испуганно отступил на несколько шагов и вкрадчиво обратился к нему:

– А, это, оказывается, вы изволили пожаловать?

– Да, это я. И, я полагаю, вам давно уже следовало меня заметить!

– Простите, я не видел вас.

Помещик взглянул на диамбега, улыбка пробежала по его лицу.

– Зачем меня вызвали? Что вам было угодно? – спросил он.

– Извините, что побеспокоил вас, – начал тот. – Но я – человек службы, и вы сами понимаете...

– Говорите покороче!.. – прервал его помещик.

– Мне вчера доложили, что ограблен караван, я сам выехал в погоню, встретил вашего человека и задержал его.

– А нашли у него награбленное?

– Нет, но бесспорно, он и есть вор!

– Для чего же вы меня побеспокоили, если уверены, что он и есть вор?

– Я хотел вас расспросить, хотел сообщ... Да, так я говорил, что... – диамбег запутался, смутился и уже не рад был, что ввязался в эту историю.

– Зачем меня спрашивать? Расследуйте дело, и если докажете, что мой человек – вор, взыщите с него по закону! – С этими словами помещик повернулся и ушел. Диамбег застыл на месте, совершенно обескураженный таким неожиданным оборотом дела.

Опомнившись, он накинулся на крестьян, которые покорно дожидались во дворе его суда и расправы.

– Вы здесь зачем, чего вам надо? – прикрикнул на них диамбег.

– А мы по вашему вызову явились, сударь! – низко кланяясь, ответили крестьяне.

– По вызову, по вызову! – передразнил он их, прохаживаясь по двору. – Что из того, что по вызову? Мне теперь некогда заниматься вами.

Крестьяне неуверенно переглянулись. Они не могли понять, – шутит с ними диамбег или говорит серьезно.

– Чего стали?... Ступайте по домам! – снова крикнул диамбег, грозно вытаращив глаза.

– Выслушайте нас, дорогой наш! – начал было один пожилой крестьянин.

– Только у меня и дела, что тебя выслушивать! – с насмешкой перебил его диамбег. – Ступайте, ступайте, мне нынче некогда. Я в Квешети еду, если хотите, туда можете притти.

– Да что ты, господин! В этакую страдную пору нам и сюда недосуг было итти, а ты еще в Квешети нас приглашаешь. Куда это годится? Мы, жители гор, только и работаем по хозяйству что в сенокос, а в другое время нам невозможно...

– Молчать! – топнул ногой диамбег.

– Не сердись на нас, господин, богом молим тебя! – продолжал старик. – От этих дней вся наша жизнь зависит и...

– Ну и что из этого! Хоть все перемерите в один день, – мне горя мало!

– Господин!..

– Казаки! – крикнул диамбег. – Плетью, нагайками их хорошенько!

Однако этот приказ ужаснул даже таких продажных есаулов, каким был Гиргола, и никто не двинулся с места. Тогда выбежали казаки и принялись избивать крестьян нагайками.

– Беспощадные, безжалостные! Уж лучше убейте нас, напейтесь нашей крови! – кричали избиваемые крестьяне. У многих кровь струилась по лицу, капала из носа, из ушей.

Казаки разогнали народ. Диамбег с наслаждением любовался этой расправой, время от времени подбадривая своих казаков.

– Так, так их! Молодцы, ребята!

Вдоволь насытившись этим безобразным зрелищем, диамбег обратился к Иаго, которого решил примерно наказать.

– Ну, а теперь приведите ко мне того молодца! – приказал он.

Казаки с ружьями наготове ввели Иаго, как опасного преступника.

– Куда свою долю девал? – набросился на него диамбег.

– Какую долю? – удивился Иаго.

– Нет, посмотрите-ка на него!.. Будто и вовсе ни при чем!.. Ту самую, что вчера отбил, у караванщиков украл.

– Я ничего не крал, – спокойно и решительно ответил Иаго.

– Меня не обманешь! Я твердо знаю, что ты – вор...

– Нет, я не вор! Клянусь богом!

– Нет? Значит, сам не хочешь сознаться? Так я заставлю тебя сказать правду! Где ты был перед тем, как мы тебя задержали?

– Для чего вам это надо знать?

– Не признаешься? – крикнул диамбег.

– Зачем? Зачем? Все знают, что я не вор, какое вам дело-до остального?

– Я тебя заставлю признаться! Я искалечу тебя! – кричал диамбег.

– Что ж, сила и меч в ваших руках! Жаль, что вырвал у меня оружие. Но я все-таки не скажу, где я был.

– Это мы посмотрит.

– Живого меня не заставите, а мертвым...

– Сейчас же замолчать! – неистовствовал диамбег.

– Почему меня арестовали?

– Я приказываю тебе молчать!

Иаго решил больше не отвечать на вопросы.

– Не буду молчать.

Диамбег, размахнувшись, ударил его по щеке.

– Как ты смеешь мне дерзить!

– За что же ты меня бьешь? – не унимался Иаго.

Вместо ответа диамбег еще раз ударил Иаго.

– Ох, и удалец же ты, – избиваешь связанного по рукам человека! – сжав зубы, сказал Иаго.

– Вон! – взревел диамбег в бессильной злобе. – Уберите его, уберите от меня, а то убью!

Казак вытащил Иаго из кабинета и, надев на него кандалы, отправил в Квешети.

Диамбег стал готовиться к отъезду.

Гиргола, постоянно при нем находившийся и прислуживавший ему, вдруг выглянул за дверь и, снова плотно ее притворив, заговорил полусшепотом.

– Пришли кистины гвелетские.]Гвелети – село в Хеви, сплошь заселенное кистинами, переселившимися сюда. (Прим. автора).[

– Ну, и что? – нетерпеливо спросил диамбег.

– У них награбленное добро – серебро и парча!

– Дальше что?

– Все это они несли в подарок начальнику, но я их не выпустил, прямо к вам привел.

Лицо диамбега просияло.

– Молодец! – воскликнул он. – Я отплачу тебе за службу, мой Гиргола!

– Недостойн милости вашей! – низко поклонился Гиргола. – А как же с ними-то быть?

– Ко мне их не пускай, еще увидит кто-нибудь, нехорошо будет.

Диамбег призадумался.

– Знаешь что? – продолжал он, – я сегодня в Коби заночую, пусть они туда подымутся и принесут мне все это.

– Слушаюсь, господин!

Переливчато зазвенели бубенцы, и у дома диамбега остановился возок, запряженный тремя конями черкесской породы; прекрасные кони, порывисто крутя головами, ударили копытами в плотно убитую землю.

Диамбег сошел с крыльца, удобно раскинулся в возке, ямщик подобрал вожжи, и резвые кони, весело сорвавшись с места, быстрей ласточки полетели по дороге в Коби.

В деревне узнали об аресте Иаго, узнали о том, что его переслали в Квешети, и все решили: не вернется он обратно и не доведется ему больше глядеть на облака своей родины.

Ответы Иаго на допросе были у всех на устах, и крестьяне хвалили его за такую смелость.

– Что и говорить, жалко парня! – говорил один.

– А как же, очень даже жалко! – подтверждал другой, и все снова принимались обсуждать событие.

– Был бы он вор или злой человек, а то ведь зря все это! За что нам такая напасть?... Службу несем больше всех, самые тяжкие работы на нашу долю выпадают, а покоя нам все равно нет!

– Эх-хе-хе! – подхватил другой. – Где добьемся правды, кто о нас подумает? Что хотят, то и творят... Появится какой-нибудь начальник и делает все, что ему вздумается...

– Да, раньше, когда у нас турки были, сами мы держали оружие в руках, и кто шел на нас силой, того и отражали силой, не щадя жизни своей, но несправедливости не терпели...

На крепостную башню поднялся глашатай, и оттуда раздался его призыв:

– Эй, слушайте все! К нам прислали солдат на постой, надо везти оброк, выводите по арбе с каждого двора.

Народ нехотя разошелся. Кто побрел к старшине просить отсрочить оброк, кто домой – справлять арбу.

Вскоре и до Нуну дошла весть об аресте Иаго. Узнала она и о том, что его отправили в Квешети.

Она взяла кувшин и пошла за водой, в пути к ней присоединились другие женщины села, – кто с кувшином, кто с кадкой. Все весело окликали друг друга, каждой хотелось в откровенной беседе поделиться с подругой накопившимися за день новостями, услышать сердечный отклик на свои думы и чувства.

Только одна Нуну шла к своей подруге с грустным лицом. Та ждала ее с ласковой улыбкой, но, заглянув в ее печальные глаза, сразу сама омрачилась и спросила озабоченно.

– Что с тобой, Нуну?

– Погибла я, Марине, пропала! – прошептала Нуну, и глаза ее наполнились слезами.

Они переждали, пока прошли мимо них другие женщины, и немного отстали, чтобы поговорить на свободе.

– Говори же скорее, что с тобой?

– Иаго... – начала Нуну. Голос ее оборвался...

– Что с ним, говори скорее! – встревожилась подруга.

– Арестовали его!

– Как? Кто?

– Диамбег!

– За что? Когда?

– Вчера ночью, в воровстве обвиняют! Некоторое время обе молчали, подавленные горем.

– Ну, и что же? – попробовала утешить подругу Марине. – Выпустят опять.

– Выпустят, как же! – с отчаянием воскликнула Нуну. – Гибели моей захотели, потому и арестовали его. Кто ж его отпустит! Они хотят выдать меня замуж за другого, – продолжала она. – Не выйду я, нет... А будут насильно заставлять, – река-то ведь здесь, рядом!

Марине утешала Нуну, хотя у самой сердце сжималось от жалости к милому душе – побратиму Иаго. Ей приходилось слышать немало рассказов о том, какой чинили произвол, как возводили напраслину на людей, как изгоняли их из родной страны жестокие диамбеги, которым в те времена была предоставлена безграничная власть.

Вдоволь наговорившись, подруги решили всеми силами противиться насильному замужеству Нуну и ждать возвращения Иаго, которого рано или поздно должны же освободить, чему обе горячо верили. Приняв такое решение и немного успокоившись, они разошлись по домам и взялись за свои повседневные дела.

Тем временем диамбег подъезжал к станции Коби. Его ожидал хозяин гостиницы, в которой он обычно останавливался и где для него была приготовлена отдельная, особо убранная комната. В средней стене был устроен большой камин из тесаного камня, вдоль других двух стен стояли длинные тахты. Отдельный ход вел в нее прямо из ворот, другая дверь выходила во двор, так что можно было входить и выходить в комнату, ни с кем не встретившись. Это место еще и потому было удобно для тайных свиданий, что духан стоял в конце села и по лужайке, куда выходила дверь из комнаты, никогда никто не ходил. Доски с тахт снимались, и под ними были глубокие ямы, служившие хозяину для разных тайных целей.

Чисто прибранная комната, ярко пылавший, несмотря на летнее время, камин и вооруженный до зубов армянин – хозяин духана – все ожидало приезда диамбега. Староста и его есаулы не жалели сил, заготавливая дрова к этому дню.

Один из есаулов обошел всех лавочников, оповещая их о приезде богоподобного диамбега, которого они должны были почтить богатым ужином.

Другой есаул созвал крестьян, приказав каждому доставить по молочному ягненку, и все они ждали диамбега у ворот духана. Обреченные на заклание ягнята высовывались из хурджи-

нов, склоняли головы набок и, закрыв глаза, ждали своей участи. Время от времени какой-нибудь из них жалобно блеял, словно горько тоскуя по своей навсегда оставленной родине.

Диамбег прямо проследовал в приготовленную для него комнату. Здесь ждал его староста.

– Здравствуй! – приветствовал его диамбег.

– Да не лишусь я милости вашей! – низко поклонился тот.

– Это кто такие стоят у ворот?

– Это так, ваша милость, убоину вам доставили.

– А много ли?

– Не меньше пятнадцати будет.

Диамбег самодовольно усмехнулся. Он прошелся по комнате.

– Молодец, молодец... – сказал он, похлопав старосту по плечу. – Не забуду о твоей верности.

– Не достоин я, ваша милость!

– Нет, нет, ты достоин, мой Яков!.. Отчего же не достоин?

– Служим вашей милости, а как же!

– Молодец!.. А скажи-ка мне, не сердит ли тебя кто, не обижает ли?

– Нет, ваша милость! Так, лавочник один малость бесчинствует, но с помощью вашей милости я ему живо голову сверну.

– Лавочник! Какой лавочник? – нахмурился диамбег.

– О сыне Сосики я говорю.

– Хорошо, завтра приведешь его ко мне, и я ему покажу... Иаго здесь проводили? – спросил диамбег.

– Да, ваша милость, казаки его вели. Теперь, верно, до Гудаур дошли...

Разговор на этом оборвался; вошел хозяин постоялого двора, люди внесли вещи диамбега. Тот многозначительно переглянулся с хозяином и кашлянул.

– Что? Придет? – спросил он его.

– А как же? – улыбнулся хозяин.

Вошли торговцы, неся на подносах разные яства: вареных кур, головки сыра, разные вина в кувшинчиках и запечатанных бутылках. Диамбег принял все это, с каждым перекинулся двумя-тремя словами и отпустил лавочников.

С ним остались только хозяин, Гиргола и несколько казаков.

Когда шаги затихли, Гиргола впустил с черного хода трех кистинов, которые преподнесли начальнику награбленные вещи – серебряные ножи, вилки, ложки, чаши и другое.

Почтенный правитель поблагодарил подданных за верность и обещал им свое милостивое покровительство.

Проводили и этих гостей. Тогда снова открылась дверь с черного хода, вошел хозяин духана и следом за ним богато разряженная женщина с опущенным на лицо покрывалом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.